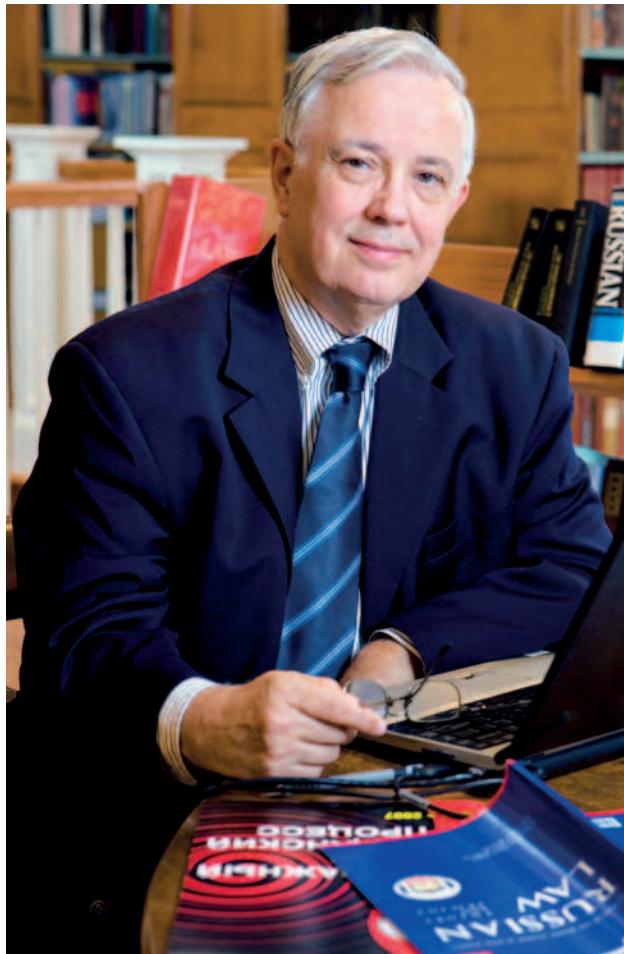




ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА



Born on October 20, 1939.

BA (American University); MA (John Hopkins University); JD (Harvard Law School); LLM (Academy University of Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences); PhD (Johns Hopkins University); LLD (London University); Emeritus Professor of Comparative Law, University College London; John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Dickinson Law, Pennsylvania State University.

Foreign Member, Russian Academy of Natural Sciences; National Academy of Sciences of Ukraine; National Academy of Legal Sciences of Ukraine.

Associate, International Academy of Comparative Law.

Member, International Arbitration in Kazakhstan, Russia, and Ukraine.

Specialist in international and comparative law, particularly the post-Soviet legal systems.

**Interview with William Elliott BUTLER,
Distinguished Professor of Law
of Dickinson School of Law
at Pennsylvania State University,
by Alexander Vereshchagin,
Editor-in-Chief of "Zakon" Journal**

На вопросы главного редактора журнала «Закон» Александра Верещагина отвечает заслуженный профессор Дикинсовской школы права Пенсильванского университета Уильям Эллиотт БАТЛЕР

Родился 20 октября 1939 г.

Имеет степени бакалавра гуманитарных наук (BA, Американский университет), магистра гуманитарных наук (MA, Университет Джона Хопкинса), доктора юриспруденции (JD, Гарвардская школа права), магистра права (LLM, юридический факультет Академического правового университета при Институте государства и права РАН), доктора философии (PhD, Университет Джона Хопкинса), доктора права (LLD, Лондонский университет), является почетным профессором сравнительного права в Университетском колледже Лондона и заслуженным профессором права имени Джона Эдварда Фаулера Дикинсовской школы права Пенсильванского университета.

Иностранный член Российской академии естественных наук, Национальной академии наук Украины, Национальной академии правовых наук Украины.

Член международного арбитража Казахстана, России и Украины.

Специалист в области международного и сравнительного права, в частности постсоветских правовых систем.



THE VALUE OF A LEGAL EDUCATION LIES IN THE ANALYTICAL AND EVIDENTIARY SKILLS

ЦЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ — В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ АНАЛИЗА И ДОКАЗЫВАНИЯ

— You have long taught in England, USA and Russia. What are the strengths in each of those national systems of education? What are you trying to teach Russian lawyers?

— I began University lecturing in 1967 and, of course, have formed impressions of higher education in the United States, England, and Russia. Each system, in my view, has its strengths and weaknesses. In the United States, the use of the socratic method in teaching law is immensely useful, the emphasis upon enhancing the analytical qualities of the jurist. In Russia I considered the diploma thesis required in the last year of legal study to be a great virtue and a more substantial requirement that commonly found in the United States or England. The tutorial system in English universities is very effective in encouraging close contact between the lecturer and the student — much more so than in the United States or Russia. I had occasion to experiment with this when, at the request of Teodor Shanin, I founded the Law Faculty in the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, then attached to the Academy of National Economy of the Russian Federation; the school offered the LLM of the University of Manchester and, for some years, the PhD of Essex University. The programme combined elements of the Russian and English approaches to higher legal education.

— Вы долго преподавали в Англии, США и России. Каковы сильные стороны системы образования в каждой из этих стран? Чему Вы стараетесь научить российских юристов?

— Я читаю лекции в университете с 1967 г. и, конечно, получил представление о высшем образовании в США, Англии и России. Каждая система, на мой взгляд, имеет свои плюсы и минусы. В Соединенных Штатах широко используется сократический метод в преподавании права, с акцентом на развитие аналитических навыков юриста. В России мне кажется весьма ценной дипломная работа, завершающая последний год юридического обучения, — это более существенное требование, чем те, которые обычно встречаются в Соединенных Штатах или Англии. Учебная система в английских университетах эффективно поддерживает контакт между преподавателем и студентом — гораздо более тесный, чем в США или России. Мне представилась возможность поэкспериментировать с этим, когда по просьбе Теодора Шанина я основал юридический факультет в Московской высшей школе социально-экономических наук, впоследствии перешедшей к Академии народного хозяйства РФ; школа предлагала получить диплом магистра права Манчестерского университета, а затем, через несколько лет, — докторскую степень Эссексского университета. Программа сочетала элементы российского и английского подходов к высшему юридическому образованию.

— Can we say that the system of legal education in Russia follows the continental model? Does such a pattern exist at all?

— I am not sure that there is a “continental model” of legal education. My own view on comparative law, including Russian law, emphasises a “kaleidoscopic” approach — which means of course there are continental influences represented in aspects of Russian legal education, but I would not describe Russian legal education as continental.

||| Perhaps the approach to teaching the legal system is more important than the styles of teaching.

— In Russia, legal education is often the object of criticism from both the scientific community and employers. Is there similar criticism in other countries?

— Legal education is always criticised everywhere, and usually for good reason. Employers want lawyers ready to give advice and trained to undertake practical tasks. The scientific community wants lawyers to be well-trained in the fundamentals of the science of law. Both are at least partly right, but both have unrealistic expectations. Experience is important in the practice of law, and no recent graduate has much experience or accumulated knowledge tested by experience. On the other hand, the fundamentals of the science of law often seem far removed from the real world, but they are important for good reasons and all jurists need to have an excellent basic training.

One of the great strengths of Russian legal education is the requirement of foreign-language study. For the Russian lawyer who knows a second language or more — and above all knows a second *legal* language — different opportunities present themselves: to undertake research on foreign or comparative law using original resources from the country or legal system concerned; to find employment with foreign or Russian companies, or law firms, or the Russian Government; to publish articles and books in foreign languages; to liaise with foreign colleagues and institutions.

— Можно ли сказать, что российская система юридического образования следует континентальному образцу? И вообще, есть ли такой образец?

— Я не уверен, что существует «континентальная модель» юридического образования. Мой собственный взгляд на сравнительное правоведение, в том числе на российское право, скорее является «калейдоскопическим» — это означает, конечно, что в отдельных аспектах российского юридического образования проявляются континентальные черты, но я бы не назвал его континентальным.

||| Возможно, метод изучения права более важен, чем стиль преподавания.

— В России юридическое образование часто становится мишенью критики как со стороны научной общественности, так и со стороны работодателей. Звучит ли подобная критика в других странах?

— Юридическое образование всегда и везде критикуют, и, как правило, небезосновательно. Работодателям нужно, чтобы юристы были готовы консультировать и натасканы на выполнение практических задач. Научное сообщество хочет, чтобы юристы хорошо знали основы юридической науки. И те и другие, по крайней мере частично, правы, но их ожидания нереалистичны. Важную роль в юридической практике играет опыт, но ни один недавний выпускник не имеет большого опыта или накопленных знаний, проверенных опытом. В то же время основы юридической науки часто кажутся далекими от реального мира, но они в силу веских причин очень важны, так что все юристы должны иметь отличную базовую подготовку.

Одной из сильных сторон российского юридического образования является обязательное изучение иностранного языка. Перед российским юристом, владеющим вторым языком, — в особенности, если он владеет вторым юридическим языком, — открываются широкие перспективы: проводить исследования по иностранному или сравнительному праву с использованием первоисточников из соответствующей страны или правовой системы; получить работу в иностранных или российских компаниях, юридических фирмах или российском правительстве; публиковать статьи и книги на иностранных языках; поддерживать связь с иностранными коллегами и учреждениями.



The foreign language opens up possibilities within and outside the legal profession of incalculable measure.

— Is there such a phenomenon as corruption in admissions to prestigious law schools in the countries of Western Europe or North America? There is much talk about this in relation to Russia...

— We have had incidents this last year in the United States with elements of corruption to admitting undergraduates to University, but I am not aware of any such instances in the case of law schools. The application process itself requires standardised aptitude tests (LSAT) and the application process is never in the hands of a single individual. We have, however, had individual instances of law schools falsifying data submitted for the ranking of law schools.

— It is believed that in Russia too much attention is paid to the formal legal method, memorising statutory provisions and positions of the courts, and not enough to such methods as sociological analysis of law, law&economics, comparative studies. Do you see this as a problem? What teaching methods provide high-level legal education? Is it necessary to base training on cases, or should the emphasis be on abstract models?

— My own approach is an eclectic one. Because of the federal nature of the American legal system and differences in law from one state to another, it would be unrealistic for us to emphasise the formal legal method or the memorisation of individual cases. What the student needs is a profound knowledge of how to work with the materials, how to “find” the law, and how to work with the judicial process. The abundance of case law in Russia available online means this approach can be more readily used for teaching how the law works in practice in Russian courts and arbitral tribunals. All methods have something to contribute to teaching law; all offer a perspective on aspects of the law and legal system. None of them are sufficient by themselves. Case materials are instructive, but so are abstract models.

||| Иностранный язык дает неисчислимые возможности в юридической профессии и за ее пределами.

— Знакомо ли странам Западной Европы и Северной Америки такое явление, как коррупция при поступлении в престижные юридические вузы? Применительно к России об этом много говорят...

— В прошлом году в Соединенных Штатах было несколько инцидентов с элементами коррупции при приеме студентов в университет, но я не знаю ни одного такого случая на юридических факультетах. Сам процесс поступления предусматривает прохождение стандартных тестов на оценку способностей (LSAT), и он никогда не контролируется одним человеком. Однако некоторые юридические факультеты фальсифицировали данные, представляемые для рейтингования.

— Говорят, что в России слишком большая роль отведена формально-юридическому методу, запоминанию положений нормативных актов и позиций судов, в то время как, например, социологический анализ права, *law&economics*, компаративистика получают недостаточно внимания. Считаете ли Вы это проблемой? Какие методы обучения обеспечивают юридическое образование высокого уровня? Необходимо строить обучение на кейсах или лучше делать акцент именно на абстрактных моделях?

— Мой собственный подход — эклектичный. Федеративный характер американской правовой системы и различия в праве разных штатов не позволяют нам останавливаться на формально-правовом методе или запоминании отдельных случаев. Студенту нужны фундаментальные знания о том, как работать с материалами, как найти нужный закон, а теперь и о том, как действовать в рамках судебного процесса. Обилие российских судебных решений, доступных в Интернете, означает, что этот подход может быть легко использован для изучения того, как закон работает на практике в российских государственных и третейских судах. Все методы вносят свой вклад в преподавание права; все они дают представление о различных аспектах права и правовой системы. Но ни один из них не является самодостаточным. Материалы кейсов поучительны, но и абстрактные модели тоже.

It is not the “case method” that is distinctive, for example, in American legal education; it is the “socratic dialogue” between the lecturer and student which is significant, and where, as in England, socratic dialogue is combined with small tutorials, it is especially productive.

Comparative legal studies, in my perception, are useful because they offer a kaleidoscopic view of similarities and differences between legal systems — on the large scale — or legal rules, on a smaller scale.

Comparative analysis is inherently analytical and an essential tool of any well-educated jurist.

— How big is the role of dissertation (thesis) in other countries in comparison with Russia? Is it necessary and what is it intended to show?

— I am a great supporter of the diploma work in Russian law schools. I consider this to be one of the great merits of Russian legal education. My own law school does not have such a requirement, and I think we should introduce it. So far as I am aware, the Russian requirement (and similar requirements in other post-Soviet countries) is among the most demanding in the world. There is no such requirement in England either. The diploma thesis teaches law students the methods, techniques, and standards of original legal research.

I think the diploma thesis prepares Russian students more effectively for magister-level work. I hope Russia is not considering abandoning the requirement.

— What courses should form the so-called educational standard in law? Is it right that the educational standard is made by the university itself, or should we let the student choose what to study? Is the concept of the “ideal lawyer” differs in the US, UK, Europe and Russia?

Это не «кейсовый метод» характеризует, например, американское юридическое образование, а «сократический диалог» между преподавателем и студентом, который имеет большое значение, а если он, как в Англии, сочетается с небольшими семинарами, то он особенно продуктивен.

Сравнительно-правовые исследования, на мой взгляд, полезны, потому что они предлагают калейдоскопический взгляд на сходства и различия между правовыми системами в целом или правовыми нормами в частности.

Сравнительный анализ по своей сути является аналитическим и необходимым инструментом любого образованного юриста.

— А какова роль диссертации (дипломной работы) в других странах в сравнении с Россией? Нужна ли она и что призвана показать?

— Я большой сторонник дипломной работы в российских юридических вузах. Я считаю ее одним из крупных достоинств российского юридического образования. Моя собственная юридическая школа не предъявляет такого требования, но я думаю, что мы должны ввести его. Насколько мне известно, российские требования (и аналогичные требования в других постсоветских странах) являются одними из самых жестких в мире. Такого требования нет и в Англии. Работая над дипломом, студенты-юристы познают методы, приемы и стандарты оригинального юридического исследования.

Мне кажется, что дипломная работа более эффективно готовит российских студентов к магистерскому уровню. Надеюсь, Россия не собирается от нее отказываться.

— Какие предметы должны войти в то, что принято называть образовательным стандартом в юриспруденции? Правильно ли, что образовательный стандарт формирует сам вуз, или следует разрешить студенту самому выбирать предметы, которые он хочет изучить? Различается ли идеал хорошего юриста в США, Великобритании, Европе, России?



— The notion of an “educational standard” is possibly a European and certainly a post-Soviet concept, where the government in the person of a Ministry of Higher Education assumes responsibility for this. In England and the United States this question, in the field of law, is left to the professional accrediting agencies (American Bar Association in the United States; Law Society and Bar Council in England). If law schools do not offer the courses which they consider to be essential, the law graduates will not be permitted to take the professional examinations. In looking at the American and English “required courses” in the law schools, you may consider that these courses are the minimum “educational standard.” In this respect there are significant differences among the Russian, American, and English requirements. In my view, for example, the Russian system does better because of its requirements of basic general subjects (legal theory, legal history, comparative law, public and private international law); only some of these are required in England and few, if any, in the United States. As a result, American law graduates have a good grounding in professional courses, but are weak in conceptual courses — which are elective, if they are even offered.

There remains a deep suspicion of State interference in higher education represented by the concept of an “educational standard;” we prefer to leave this to the “private sector.” This does mean that the concept of the “ideal jurist” does differ among the three jurisdictions.

— Russian students show good results in international moot court competitions — Russian teams won the Willem C. Vis Moot and FDIMoot competitions last year. Could we say this is an indicator of the quality of legal education and the effectiveness of the educational model in general or in individual universities, or is it not worth paying special attention to?

— Moot court competitions, well-structured and organised, are an excellent educational device for the students involved. My own University won the Willem Vis competition this year — the first time in twelve years that an American law school was

— Понятие «образовательный стандарт» — это, возможно, европейская и, безусловно, постсоветская концепция, возлагающая всю ответственность на правительство в лице министерства образования. В Англии и Соединенных Штатах этот вопрос в области права оставлен на усмотрение профессиональных аккредитационных агентств (Американская ассоциация адвокатов в Соединенных Штатах; Юридическое общество и Совет адвокатов в Англии). Если юридические вузы не предлагают курсы, которые они считают необходимыми, их выпускники не будут допущены к профессиональным экзаменам. Если вы посмотрите на обязательные курсы в американских и английских вузах, вы увидите, что они являются минимальным образовательным стандартом. В этом отношении российские, американские и английские требования существенно различаются. Я считаю, что, например, российская система работает лучше благодаря наличию основных общих предметов (теория права, история права, сравнительное право, публичное и частное международное право); только некоторые из них преподаются в Англии и немногие, а то и вовсе никакие, в Соединенных Штатах. А в результате американские выпускники юридических факультетов хорошо подготовлены по профессиональным дисциплинам и слабо — по концептуальным, которые являются факультативными, если вообще предлагаются.

Многие до сих пор с подозрением относятся к вмешательству государства в высшее образование, выраженному в концепции образовательного стандарта; мы предпочитаем оставить это на усмотрение частного сектора. Это означает, что понятие идеального юриста действительно различается между тремя юрисдикциями.

— Российские студенты показывают неплохие результаты на международных муткортах, игровых судах. Российские команды в прошлом году занимали первые места в конкурсах им. Виллема Виса и FDIMoot. Можно ли считать это неким показателем качества юридического образования и эффективности образовательной модели вообще либо в отдельных университетах или на это не стоит обращать особого внимания?

— Хорошо структурированные и организованные состязания наподобие игровых судов являются отличным учебным инструментом для их участников-студентов. В этом году конкурс им. Виллема Виса выиграл мой университет — впервые за двенадцать лет американская юридиче-

successful. Advocacy skills are important for lawyers and it often separates us from other disciplines — the analytical and the persuasive qualities of the jurist are of universal application, which is why our law graduates often are successful in careers other than law. So not merely success, but even just participation, in national and international moot court or arbitration competitions are one indication of quality of legal education. Of course, due credit should be given to the academic advisor to moot court teams — this individual is responsible for fine-tuning the qualities necessary to excel in moot court competitions. Moreover, there is another skill or quality that should not be overlooked: for many European and Asian teams in moot court competitions, they are competing in a second language (usually English) and excelling in doing so. That is both a remarkable achievement on their part and a reflection of the real world of practical advocacy — for international tribunals and courts commonly work in English.

— Should a modern good lawyer be an encyclopedist, or vice versa, is the way to success in a narrower specialisation?

— Most law students have no idea what branch of law they wish to specialise in when they attend law school. Depending on the courses they prefer, or upon employment opportunities after law school, they choose a specialisation by deliberate decision or often simply good or bad luck. Neither the American nor the English system encourages specialisation at the level of the first degree in law. The professional examinations encompass all the principal or main branches of law, and every lawyer must know all of them to pass. In England and the United States, we consider the LLM degree to be an opportunity to specialise (one-year programme), if the jurist wishes to do so. Bear in mind that in England it requires 6 years to become a licensed Barrister or Solicitor (3 years at University; one year at the professional society; and two years clerkship or pupillage). In the United States, 3 years at University after an undergraduate degree of four years. In Russia, it is five (sometimes four) years, but you expect to produce a legal specialist in that period of time at University. My personal view is that if you wish to

сская школа добилась успеха. Адвокатские навыки важны для юристов и во многом выделяют среди других дисциплин — ведь умение анализировать и убеждать является универсальным, поэтому наши выпускники-юристы часто строят успешную карьеру в сфере, отличной от юриспруденции. Таким образом, показателем качества юридического образования является не только успех, но даже просто участие в национальных и международных конкурсах судебных или арбитражных разбирательств. Конечно, нужно отдать должное академическому консультанту команд — участников игровых судов: именно этот человек отвечает за тонкую настройку качеств, необходимых для достижения успеха в соревнованиях. Кроме того, есть еще один навык или умение, которое не следует упускать из виду: многие европейские и азиатские команды выступают в муткортах на втором языке (обычно английском) и преуспевают в этом. И это — не только их большое достижение, но и отражение реалий практикующей адвокатуры, ведь международные трибуналы и суды обычно работают с английским языком.

— Должен ли современный хороший юрист быть энциклопедистом или путь к успеху, наоборот, требует узкой специализации?

— Большинство студентов в период учебы понятия не имеют, в какой отрасли они хотят специализироваться. И выбирают специализацию в зависимости от того, какие курсы им нравятся, или от возможности трудоустроиться после выпуска — тщательно все обдумав или нередко просто положившись на удачу. Ни американская, ни английская система не поощряют специализацию на уровне первой степени в области права. Профессиональные экзамены охватывают все главные отрасли права, и каждый адвокат должен знать их все, чтобы не провалиться. В Англии и Соединенных Штатах степень LLM рассматривается как возможность получить, при желании, специализацию (это годовая программа). Имейте в виду, что в Англии нужно учиться 6 лет, чтобы стать лицензированным адвокатом или солиситором (провести 3 года в университете, 1 — в профессиональном обществе и 2 — быть клерком или учеником). В Соединенных Штатах за 4 годами бакалавриата следуют 3 года в университете. В России это 5 (иногда четыре) лет, но вы имеете целью подготовить юриста-специалиста за это время. Мое личное мнение таково, что если вы хотите получить юридическую специализацию, выбирайте то, что вам кажется интересным и сложным, но



specialise in law school, choose something you find interesting and challenging, but do not imagine that you will necessarily find a job or a career in that field.

The real value of a legal education lies in the analytical and evidentiary skills that are common to all lawyers and make the law degree also relevant to a career in corporate management, banking, insurance, auditing, the world of finance, and public service, including elective office.

— It is known that in the west the degree of students' independence in the learning process (choice of subjects, etc.) is much higher. What is the reason? Does it depend on the experience with which students enter the university?

— The pattern and extent of choice varies from one country to another. In England, for example, during three years of legal studies at University a student may choose only four to five subjects; all the others are required. The Russian student has a broader range of choice than this. In the English LLM, however, there is 100% freedom of choice and no required subjects. In the United States, provided they take the required courses which represent the educational minimum to take the Bar examination, they have complete freedom of choice of subjects because we consider that all of them contribute to developing, in one way or another, the legal skills of analysis, evidence, and advocacy that a legal education brings.

— In Russia, traditionally the first years of study focus more on theory while later courses on practice. It is often suggested that it is necessary to involve practitioners in the educational process. Is it useful, and to what extent?

— In both England and the United States we encourage the members of the Law Faculty to be concerned with theory and to be qualified to practice law.

Of course legal experience in the form of legal practice affects one's view of more theoretical and conceptual issues. Academically, one is a better

не ждите, что обязательно найдете работу или сделаете карьеру в этой области.

Реальная ценность юридического образования заключается в развитии навыков анализа и доказывания, которые являются общими для всех юристов и делают юридическую степень подспорьем также для карьеры в области корпоративного управления, банковского дела, страхования, аудита, мира финансов и государственной службы, включая занятие выборных должностей.

— Известно, что на Западе студенты гораздо более самостоятельны в процессе обучения (по части выбора предметов и т.п.). Чем это объясняется? Зависит ли это от опыта, с которым студенты приходят в вуз?

— Характер и степень выбора варьируются от одной страны к другой. В Англии, например, в течение трех лет юридического обучения в университете студент может выбрать только четыре-пять предметов; все остальные обязательны. У российского студента более широкий выбор. Зато в английской юридической магистратуре уже 100%-ная свобода выбора и нет обязательных предметов. В Соединенных Штатах студенты вольны выбирать что хотят при условии, что они изучают необходимые курсы, составляющие образовательный минимум для сдачи экзамена на адвоката, потому что мы считаем, что все они так или иначе способствуют развитию навыков анализа, доказывания и отстаивания своей позиции, которые дает юридическое образование.

— В России традиционно в первые годы обучения больше внимания уделяется теории, а на более поздних курсах — практике. Часто высказывается мнение, что необходимо привлекать практиков к учебному процессу. Полезно ли это и если да, то в каком объеме?

— Как в Англии, так и в Соединенных Штатах мы поощляем преподавателей изучать теорию и быть достаточно квалифицированными для того, чтобы практиковать право.

Конечно, юридический опыт в виде юридической практики влияет на восприятие более теоретических и концептуальных вопросов. С академической точки зрения такой чело-

critic because one knows what actually happens in practice — what works and what does not.

Without having precise figures, I would guess that 90 to 95% of my colleagues at University College London (when I was there from 1970–2005) and all of them at Dickinson Law, where I am now (2005 to date) are professionally qualified; that is, they not only have the necessary academic qualifications, but they are members of the Bar (United States) or are qualified as Barristers or Solicitors (England). This is not a formal requirement for appointment to a Law Faculty, but it is a near-universal practice. This has a major impact on the teaching of law because the lecturers have, so to speak, a foot in both camps and it affects (positively) the legal mentality. Many of our “adjunct professors” are full-time legal practitioners who offer a course part-time in the evenings. In other words, we deliberately do not draw a sharp line between “theory” and “practice.” To be sure, there are individual distinctions — not every practitioner is a good teacher, and not every good teacher is a good practitioner or a good legal scholar. But most can excel at both aspects of the profession.

In my own writings on Russian law, I have described the Russian (and Soviet) legal system as an “academic” legal system, for several reasons: the academician (not the judge) is the most senior member of the legal profession; legal theory and history is the foundation of legal education (which I consider to be a positive factor); the textbook (as opposed to the casebook) is the fundamental scientific work which law students work with; the law degree contains in Russia a research component (diploma thesis), which most (but not all) American and English law schools do not have — to mention some factors. To the extent that I am correct in my perception, these considerations affect the configuration of legal education in Russia. If you decide to make fundamental alterations, be careful not to eliminate the positive aspects to your disadvantage.

— In the US, as a rule, students already have some learning experience from College education, and they are usually older than in Russia. Should Russia adopt this approach or introduce

век обретает более критичный взгляд, потому что он знает, что на самом деле происходит на практике, что работает, а что нет.

Не имея точных цифр, я бы предположил, что от 90 до 95% моих коллег в Университетском колледже Лондона (когда я работал там в 1970—2005 гг.) и все из Дикиновской школы права, где я тружусь с 2005 г., имеют профессиональную квалификацию; т.е. они имеют не только необходимую академическую квалификацию, но и являются членами коллегии адвокатов (Соединенные Штаты) или квалифицированы как адвокаты или солиситоры (Англия). Это не является официальным требованием для назначения на юридический факультет, но это почти универсальная практика, которая оказывает большое влияние на преподавание права: преподаватели, скажем так, побывали по обе стороны, и это сказывается (положительно) на правовом менталитете. Многие из наших адъюнкт-профессоров являются штатными юристами, которые читают курс по вечерам, работая неполный день. Иными словами, мы сознательно не проводим резкой границы между теорией и практикой. Конечно, существуют индивидуальные различия — не каждый практик является хорошим учителем, и не каждый хороший учитель является хорошим практиком или ученым. Но большинство может преуспеть в обоих аспектах профессии.

В своих трудах по российскому праву я охарактеризовал российскую (и советскую) правовую систему как академическую. На то есть несколько причин, назову некоторые из них: высшей ступенью юридической профессии является звание академика (а не должность судьи); в основе юридического образования лежат теория и история права (что я считаю положительным фактором); учебник (в отличие от сборника прецедентов) — это фундаментальный научный труд, с которым работают студенты-юристы; присвоение квалификации по юридической специальности предусматривает исследовательский компонент (дипломную работу), которого нет у большинства (но не у всех) американских и английских юридических вузов. Если я правильно понимаю, эти соображения влияют на конфигурацию правового образования в России. Если вы решитесь на коренные изменения, будьте аккуратны, чтобы не потерять положительные аспекты.

— В США студенты, поступающие в университет, как правило, уже отучились в колледже, а их возраст зачастую выше, чем возраст абитуриентов в России. Стоит ли России перенять этот подход или ввести некие



compulsory preliminary courses to give law students some idea about the field they plan to study? Isn't this the key to solving the problem of lack of practice in legal education?

— It has indeed been the case that because legal education in the United States is available only as a post-graduate degree (JD) and all students must have at least a bachelor's degree (BA, BS) in some discipline, American law students are, as a rule, at least 4 years older than in Europe — East and West. If Russia wants to consider the pluses and minuses of this, they might look closely at Australia and Canada, which recently have moved closer to the United States approach. This means that American law students, being older, are more mature intellectually and perhaps more purposeful in their studies (many are married and have families); for the lecturer, this makes a difference. They are not necessarily more intelligent than anyone else, but they have greater life experience.

Studying law in England and the United States really is different from studying other disciplines. It is, I would say, more challenging, which is why many of the very best students prefer to study law instead of something else.

In Russia, in my view, the opportunities for jurists will broaden, and legal education will increasingly be seen to give access to non-legal positions (which militates against the “legal specialist”) simply because it is legal skills that are so useful, and not merely knowledge of legislation. This is ultimately the answer to those who believe LegalTech will replace lawyers — this will not be so if lawyers are useful to society because of their combined knowledge and skills.

— How many years, in your opinion, one needs to study law to become a qualified lawyer? The usual trajectory now is a 4-year bachelor's degree plus a 2-year master's degree. Some suggest returning to the mandatory 5-year programme for a master's degree. What model will give a competent specialist who is ready to successfully solve practical tasks?

обязательные подготовительные курсы, чтобы дать будущим студентам-юристам какое-то представление о той области, которую они собираются изучать? Вдруг именно это и есть ключ к решению проблемы недостатка практики в юридическом образовании?

— Действительно, юридическое образование в Соединенных Штатах доступно только в качестве второй ступени университетского (JD), и все студенты должны иметь по крайней мере степень бакалавра (BA, BS) по какой-либо дисциплине. По этой причине американские студенты-юристы зачастую как минимум на 4 года старше, чем те, кто учится в Европе — и Восточной, и Западной. Если Россия хочет оценить плюсы и минусы такого подхода, вам стоит обратить внимание на Австралию и Канаду, которые в последнее время приблизились к системе Соединенных Штатов. Это означает, что американские студенты, будучи старше, являются более зрелыми интеллектуально и, возможно, более целеустремленными в учебе (многие из них женаты и имеют семьи); для преподавателя это имеет значение. Они необязательно более умны, чем кто-либо другой, но у них больше жизненного опыта.

Изучение права в Англии и США и в самом деле отличается от изучения других дисциплин. Это, я бы сказал, более сложная задача, поэтому многие из числа самых лучших студентов решают изучать право, а не что-то другое.

В России, на мой взгляд, возможности для юристов будут расширяться, а юридическое образование все чаще будет открывать доступ к неюридическим позициям (что противостоит «специалисту по правовым вопросам») — просто потому, что полезны именно юридические навыки, а не одно только знание законодательства. Это, кстати, и ответ тем, кто считает, что LegalTech заменит юристов: нет, если юристы в силу их знаний и навыков останутся востребованными обществом.

— Сколько лет, на Ваш взгляд, нужно изучать юриспруденцию, чтобы стать квалифицированным юристом? Обычный путь сейчас — 4 года бакалавриата плюс 2 магистратуры. Звучат предложения вернуться к обязательной 5-летней программе, следующей ступенью после которой будет магистратура. Какая модель позволит выпустить компетентного специалиста, готового успешно решать практические задачи?

— This question can be assessed at various levels. One can study jurisprudence for one's entire life and still have much to learn. The real question is: how long should one study to be professionally licensed as a jurist qualified to give legal advice. The answer in all systems, including formal education at institutions of higher education and/or at professional societies and/or practical apprenticeship, is three to six years. In Russia you have “jurisconsults” and “advokats;” to be a licensed *advokat* requires a professional examination and admission to the *advokatura*; to be a jurisconsult requires, so far as I am aware, nothing more than a degree in law. One becomes a jurisconsult “by default” if you are not something else. Russia may want to consider creating some alternatives in legal education, for example: combining for licensing purposes the professions of jurisconsults and *advokats* so that all who want to practice law must, after graduating with a legal education, pass a professional examination. This would probably create two classes of jurisconsults (licensed and non-licensed), in addition to *advokats*. This is an approach that has immense implications; on the one hand, it would enhance the professional marketability of licensed jurists, but it would also give opportunities to individuals who wanted a legal education but did not want to practice law.

There is a certain tension in Russian legal education between creating in five years a “specialist” in a branch of law or the profession and creating a “generalist” who can be a valuable member of other disciplines besides law — corporate management, banking, finance, public administration, and so on. Legal education needs to produce both and persuade employers that many of its graduates are suitable for more than narrowly legal jobs.

Russia might consider more “joint degrees” — for example, business and law, or joint LLMs that encourage inter-disciplinary specialisation.

So there is no final answer as to how many years are necessary to study jurisprudence: there is the professional minimum for taking the licensing examination; and there is the desire to become more marketable by having special knowledge and/or skills — which means more advanced degrees.

— Этот вопрос можно рассматривать с разных сторон. Можно заниматься юриспруденцией всю жизнь и все равно знать, что есть еще много чего учиться. Реально важно другое: как долго нужно учиться, чтобы получить профессиональную лицензию юриста, квалифицированного для оказания юридической помощи. Для всех систем, включая формальное образование в вузах и/или в профессиональных сообществах и/или практическое обучение, ответ един: от трех до шести лет. У вас в России есть юристы и адвокаты; лицензия адвоката требует сдачи профессионального экзамена и получения допуска в адвокатуру; юрист же, насколько мне известно, достаточно только диплома юриста. То есть вы по умолчанию являетесь юристом, если не имеете другой лицензии. Россия, возможно, захочет рассмотреть вопрос о введении некоторых альтернатив в области юридического образования, например об объединении юристов и адвокатов, с целью лицензирования, т.е. с тем, чтобы все желающие заниматься юридической практикой должны были по завершении юридического образования сдать профессиональный экзамен. Это, вероятно, создаст два класса юристов (лицензированных и нелицензированных), в дополнение к адвокатам. Такой подход может иметь огромные последствия: с одной стороны, он повысит профессиональную конкурентоспособность лицензированных юристов, но, с другой стороны, он позволит получить юридическое образование тем, кто не хочет в дальнейшем заниматься юридической практикой.

В российском юридическом образовании существует определенная напряженность между целью создать за пять лет специалиста в той или иной отрасли права или профессии и вырастить универсала, который может быть ценным членом других профессий, помимо права, — корпоративного управления, банковского дела, финансов, государственного управления и т.д. Юридическое образование должно давать и то и другое и убеждать работодателей в том, что многие его обладатели подходят для более чем узконаправленной работы.

России стоило бы скорее задуматься о совместных степенях, например «бизнес и право», или совмещенных магистерских степенях, которые развивают междисциплинарную специализацию.

Думаю, дать окончательный ответ на вопрос, сколько лет необходимо для изучения юриспруденции, невозможно: есть профессиональный минимум для сдачи лицензионного экзамена и есть желание стать более востребованным за счет специальных знаний и/или навыков, что означает более высокие степени.



— Today, the development of the legal profession is greatly influenced by LegalTech. Russian employers are already bluntly saying that artificial intelligence will lead to a reduction in the number of lawyers. How does this affect educational standards? Should a modern lawyer master the laws of artificial intelligence and understand IT?

— LegalTech, including artificial intelligence, should lead to an expansion of the role for jurists. In my view, the more formalistic a legal system is, the more vulnerable it is to LegalTech; the more the legal system relies upon human skills and abilities, negotiations, dispute settlement, and creative solutions, the greater the opportunities for the gifted jurist. Of course, LegalTech is being rightly used to make aspects of the legal process more efficient, more accessible, and less costly — as it should. The accessibility online, for example, of Russian judicial decisions and international treaties has, in my view, contributed to the transformation of Russian concepts of judicial practice and precedent because lawyers have the ability to find these, whereas in the past this was physically impossible and unrealistic.

Perhaps, however, LegalTech will encourage legal education to concentrate more on the fundamentals of law, whereas particular aspects can be reduced to computer technology. At the same time, law graduates have to be LegalTech literate, and fully able to master the computer data bases represented by Consultant Plus and Garant, while not losing the ability to read books!

— What do you think about the practice of obtaining double diplomas, how effective is it? Will a double-degree graduate be perceived as an equal in the west or the east?

— Dickinson Law extensively practices the possibility of two diplomas with foreign universities. For example, a JD student with us can simultaneously do an LLM at a Dutch University (spending one semester there), or a Norwegian University, and receive both degrees simultaneously with very little additional tuition cost. Moreover, at Dickinson

— Сегодня на развитие юридической профессии большое влияние оказывает LegalTech. Российские работодатели уже прямо говорят, что искусственный интеллект приведет к сокращению штата юристов. Как это отразится на образовательных стандартах? Должен ли современный юрист постигать законы работы искусственного интеллекта, разбираться в сфере IT?

— LegalTech, в том числе искусственный интеллект, должен привести к расширению роли юристов. По-моему, чем более формалистической является правовая система, тем более она уязвима для LegalTech; чем больше она опирается на человеческие навыки и способности, переговоры, урегулирование споров и творческие решения, тем больше возможностей для одаренного юриста. Конечно, LegalTech разумно используется для того, чтобы сделать аспекты юридического процесса более эффективными, более доступными и менее дорогостоящими — как и должно быть. Размещение в Интернете, например, российских судебных решений и международных договоров, на мой взгляд, способствовало трансформации российских понятий судебной практики и прецедента, поскольку позволило юристам находить их, что раньше было физически невозможным и нереальным.

Впрочем, есть вероятность, что LegalTech побудит юридическое образование в большей степени сосредоточиться на фундаментальных вопросах права, тогда как отдельные аспекты будут сведены к компьютерной технологии. В то же время выпускники юридических вузов должны быть грамотными в сфере LegalTech и в полной мере владеть компьютерными базами данных, такими как «Консультант-Плюс» и «Гарант», не утратив при этом способности читать книги!

— Как Вы оцениваете практику получения двойных дипломов, насколько она эффективна? Будет ли выпускник с двойным дипломом воспринят как равный на Западе или Востоке?

— Школа Дикinsona предоставляет широкую возможность получить второй диплом в иностранном университете. Например, студент, обучающийся по программе JD у нас, может также получить степень LLM в голландском университете, проведя там один семестр, или в норвежском университете, причем он получит обе степени одновременно, а стоимость обучения в таком случае возрастет весьма

foreign law graduates can do an LLM and, assuming they choose the courses required by the New York State Bar Examiners, are eligible to take the New York Bar Examination. This is true at many American law schools, and a number of Russian law graduates have done this. For any of my American students who wish to do an LLM, I recommend they do this abroad and especially recommend University College London for this purpose. Advanced degrees in law usually enhance marketability of the student and may lead to the publication of a good research paper.

— One of the trends of modern education has become its internationalisation. Universities are struggling to enter international rankings, professors are worried about publishing their articles in journals cited by international abstract databases. How do ratings reflect quality? What indicators should be taken as a basis: graduates' salaries, average score, something else? Which educational rankings do you trust more?

— Frankly, I do not trust any of the rating systems, and all University administrations publicly say the same. But privately they matter, whether they should or not. We think the public looks at three rating systems: QS, Times Educational Supplement, and United States News and World Report. Each of them produces different results, and perhaps students take them into account to some extent. The real question is whether employers take them into account, and we think that ratings may affect the employment market. Each rating system takes somewhat different factors into account, and one wonders sometimes about the quality and accuracy of their data.

On the other hand, the Research Assessment Exercise (RAE) which started in England, so far as I know, in the mid-1980s, has produced some impressive results insofar as it encourages or requires University academic staff to publish research more substantially and more frequently. Russia, Ukraine, Kazakhstan, Belarus and others have joined this “movement” and, in my view, have been excessively formalistic, especially as

незначительно. Кроме того, по у нас в школе Дикинсона выпускники зарубежного юридического факультета могут получить *LLM* и, если они выбирают курсы, требуемые экзаменаторами штата Нью-Йорк, право сдать экзамен в Нью-Йорке. Такая практика распространена во многих американских юридических вузах, и ряд российских выпускников-юристов тоже воспользовались этой возможностью. Каждому из моих американских студентов, кто хочет стать магистром права, я рекомендую получать степень за рубежом, в первую очередь в Университетском колледже Лондона. Ученые степени в области права обычно повышают конкурентоспособность студента и могут привести к публикации хорошей исследовательской работы.

— Одной из тенденций современного образования стала интернационализация. Университеты борются за включение в международные рейтинги, профессора озабочены публикацией своих статей в журналах, цитируемых международными реферативными базами данных. Насколько рейтинги отражают качество образования? Какие показатели стоит брать за основу: зарплаты выпускников, средний балл или что-то другое? Каким образовательным рейтингам Вы больше доверяете?

— Честно говоря, я не доверяю ни одной из рейтинговых систем, и все университетские администрации публично заявляют то же самое. Но в частном порядке рейтинги все же имеют значение, причем независимо от того, нужно это или нет. Мы считаем, что общественность смотрит на три рейтинговые системы: *QS, Times Educational Supplement* и *United States News and World Report*. Каждая из них дает разные результаты, и, возможно, студенты в какой-то мере учитывают их. Реальный вопрос заключается в том, ориентируются ли на них работодатели, — и мы считаем, что рейтинги способны повлиять на рынок труда. Любая рейтинговая система оценивает в известной степени разные факторы, поэтому иногда приходится задумываться о качестве и точности их данных.

Вместе с тем оценка научных исследований (*RAE*), начавшаяся в Англии, насколько мне известно, в середине 1980-х гг., дала в некотором смысле впечатляющие результаты, поскольку она поощряет или требует от университетских преподавателей чаще публиковать более глубокие исследования. Россия, Украина, Казахстан, Белоруссия и другие страны присоединились к этому «движению», но, на мой взгляд, подошли к нему чрезмерно формалистично,



this affects jurists. I refer to the requirement that jurists publish articles in publications listed on the Web of Science or in Scopus databases; that is, publications listed on the websites of those commercial operations. So far as Anglo-American jurists are concerned, these websites have no value whatsoever except as expensive commercial monopolies. There is no value to Anglo-American publications being included on those sites; some are, but most are not. For Russian lawyers to publish in Anglo-American journals is not easy for a variety of reasons, including academic style and problems with translation. If the authorities would add Hein Online to the repertoire of websites, this would be of immense benefit to the Russian legal profession in the broadest understanding of those words.

— They say that in the West there is such a phenomenon as degree mills — universities that confer diplomas without giving serious knowledge and without seeing it as a goal. How do such factories of diplomas arise and why is it impossible to close them?

— Such institutions exist, usually in the form of “for profit” universities. We try to combat them through the accreditation process, for they are usually unable to achieve or maintain accreditation. Employers usually know who these institutions are, and their graduates can experience difficulty finding employment. I think it is correct to say that there are no such institutions in the field of law, for only an accredited law school will have graduates admitted to take the Bar Examination.

— In Russia, a lecturer should combine teaching and research activities, which is required by the current system of academic reporting. Is it right or not? Does the teacher have to be a successful researcher? Does one interfere with the other?

— The classical answer would have valued those who are brilliant teachers, but mediocre researchers, and vice versa. Probably those days are gone. The Research Assessment Exercise commenced

особенно в части юридических специальностей. Я имею в виду требование к юристам публиковать статьи в журналах, цитируемых в международных базах данных *Web of Science* или *Scopus*, т.е. иметь публикации, индексируемые на сайтах этих коммерческих проектов. Например, для англо-американских юристов в этих базах нет никакой ценности, кроме их дорогостоящей коммерческой монополии. Нет никакой ценности в том, чтобы англо-американские журналы индексировались на этих сайтах; кто-то стремится к этому, но большинство нет. Для российских юристов публиковаться в англо-американских журналах непросто по ряду причин, включая сложности академического стиля и проблемы с переводом. Если бы власти добавили *Hein Online* в перечень таких сайтов, это принесло бы огромную пользу российской юридической профессии в самом широком смысле этого слова.

— Говорят, что на Западе есть такое явление, как *degree mills*, — университеты, которые выдают дипломы, не давая серьезных знаний и даже не ставя себе такой цели. Откуда берутся эти фабрики дипломов и почему нельзя их прикрыть?

— Такие учреждения действительно существуют, как правило, в форме коммерческих университетов. Мы пытаемся бороться с ними через процесс аккредитации, поскольку они зачастую не в состоянии получить или подтвердить аккредитацию. Работодатели обычно знают, что это за учреждения, и их выпускники могут испытывать трудности с поиском работы. Но мне кажется корректным подчеркнуть, что в области права таких институтов не существует, потому что только выпускники аккредитованного юридического вуза будут допущены к сдаче экзамена на адвоката.

— В России преподаватель должен совмещать преподавательскую и научную деятельность — этого требует наша система академической отчетности. Правильно ли это, как Вы считаете? Должен ли преподаватель непременно быть преуспевающим ученым или одно мешает другому?

— Классический ответ звучал бы должное тем, кто является блестящим преподавателем, но посредственным исследователем, и наоборот. Наверное, теперь уже не так. Именно по этой причине в Англии стали оценивать

in England precisely for that reason: a conviction in parliamentary and government circles that too many academics were not producing any research and that the quality of research could, in any event, be improved.

||| The “rating system” applied to academic research is far more important than the mere rating of universities or of departments and chairs within universities.

Students probably pay little attention to this, but organisations financing research do.

||| The twenty-first century university lecturer must both teach decently and research well.

— In Russia, the idea of a single qualifications exam for all lawyers has been discussed for a while, and such an exam ought to be conducted by an organisation independent of the university. Is it advisable, in your opinion? How should the system of lawyer certification be built? What should be controlled by law schools at the “output” and by the professional community “at the entrance?”

— As I noted above, I think this is an idea worth seriously considering. But the examination should not be a “qualifications” examination; it should be a “licensing” examination — those who are successful should have the right to practice law in Russia. And it should be administered by an independent organisation, probably created by the *advokatura*. Here aspects of the English model are worth looking at, as they operate a combined institution for training solicitors and barristers and administering the professional examinations. Russian students would need a degree from an accredited law faculty to take the examination, and their degree would give them professional access to whatever a degree gives access to. But to be employed as an *advokat* or a *jurisconsult* would require a degree plus success on the professional examination under this approach, and the *advokats*, if they did not want a unified profession, might require the first examination as a prerequisite to a further, *advokat*, examination.

научные исследования: в парламентских и правительственные кругах сложилось убеждение, что слишком много ученых не занимаются никакими исследованиями и что качество исследовательской работы в любом случае можно улучшить.

||| Рейтингование академических исследований гораздо важнее, чем простое ранжирование университетов или факультетов и кафедр в университетах.

Студенты, вероятно, мало обращают на это внимания, но для организаций, финансирующих научную деятельность, это важно.

||| Преподаватель университета XXI в. должен и преподавать достойно, и быть хорошим ученым.

— Опять же в России в свое время обсуждалась идея о едином квалификационном экзамене для всех юристов, причем такой экзамен обязательно должен был бы проводиться организацией, независимой от университета, в котором учатся студенты. Целесообразно ли это? Как вообще должна быть построена система аттестации юристов? Что должны проверять юридические факультеты «на выходе», а что — профессиональные сообщества «на входе»?

— Как я сказал, я считаю, что эта идея заслуживает серьезного обсуждения. Но экзамен должен быть не квалификационным, а лицензионным — предоставляющим тем, кто добился успеха, право заниматься юридической практикой в России. И администрировать его должна независимая организация, возможно, созданная адвокатурой. Здесь можно обратить внимание на некоторые аспекты английской модели: там существует единое учреждение, отвечающее за подготовку солиситоров и барристеров и за проведение профессиональных экзаменов. Для допуска к экзамену российским студентам потребуется диплом аккредитованного юридического вуза, а диплом такой организации, в свою очередь, откроет им профессиональный доступ ко всему, что дает степень. Но чтобы они могли выполнять функции адвоката или юрисконсульта, в дополнение к степени потребуется успешная сдача профессионального экзамена. Если же адвокаты против унификации профессии, то они могут установить прохождение первого экзамена как предварительное условие для допуска к следующему, адвокатскому, экзамену.



This approach would give the law faculties more scope for developing the law degree as a more general education useful for many professional callings besides law.

— Which system of knowledge testing do you consider to be more perfect: tests, written examination or oral interview?

— The question betrays a Russian approach to examination, whereas the English and American approaches are quite different. First, in an American law school the examination is not a “verification of knowledge,” but rather an examination of analytical skills. Examinations are written — there are no oral examinations. “Tests” in the sense of multiple-choice tests are uncommon.

I prefer what is called a “take-home” examination: students are given two lengthy written questions, of which they must choose one. They have up to two weeks to submit the answer, and may consult any sources except one another.

Obviously, such an examination is not a “verification of knowledge,” but a verification of their ability to analyse a problem, defend a legal position, research as necessary the answer, and set out the answer in correct and elegant English. They may be asked to write an Opinion, or a Memorandum, or a draft Judicial Decision, and the examination must be footnoted as necessary.

In England, a different examination system operates: all examinations are 2 to 3 hours in length, anonymous, written, and double-marked (one examiner is internal to the university; one is external to the university). It is a very fair system, objective, but imposes constraints of format. The system hopes to both verify knowledge and verify analytical skills. As a rule, each question is allocated one hour to answer.

— What scholars / scientific schools have shaped Your professional outlook? What works / authors would you advise any lawyer to read?

Такой подход даст юридическим факультетам больше возможностей для развития юридического образования как более общего и полезного для многих профессиональных профессий, помимо права.

— Какую систему проверки знаний Вы считаете более совершенной: тесты, письменный экзамен, устное собеседование?

— Такая постановка вопроса выдает русский подход к экзамену, потому что английский и американский подходы совершенно другие. Во-первых, в американском юридическом вузе экзамен — это проверка не знаний, а, скорее, аналитических навыков. Экзамены все письменные, устных нет. Тесты в смысле вопросов с множеством вариантов ответа встречаются редко.

Меня больше привлекает так называемый домашний экзамен: студенты получают два обширных письменных вопроса, из которых они должны выбрать один. У них есть до двух недель, чтобы подготовить ответ, и они вправе использовать любые источники, кроме советов друг друга.

Очевидно, что такой экзамен проверяет не знания, а их способность анализировать проблему, отстаивать правовую позицию, искать по мере необходимости решение и излагать его правильным и изящным английским языком. Их могут попросить написать заключение, или меморандум, или проект судебного решения, и экспертиза должна быть снабжена сносками по мере необходимости.

В Англии действует другая экзаменационная система: все экзамены делятся от 2 до 3 часов. Все ответы представляются анонимно, в письменном виде и проверяются дважды: экзаменатором из университета, а затем — внешним экзаменатором. Это очень справедливая и объективная система, хотя и имеющая свои ограничения. Она направлена на проверку знаний, и аналитических навыков. Как правило, для ответа на каждый вопрос отводится один час.

— Какие ученые или научные школы сформировали Ваше профессиональное мировоззрение? Какие труды Вы посоветовали бы непременно прочесть каждому юристу?

— I was strongly influenced by the Harvard Law School in several respects: the ideas of Professor Harold J. Berman (1918–2007), especially his use of analytical prisms to approach Soviet Law (historical, planning, educational/parental). I developed my own ones, but believe that any comparatist finds these indispensable. Another influence of Harvard was the “documentary” approach to international law elaborated by Manley O. Hudson and others; perhaps it is a spin-off of the case method. It emphasises the importance of State practice in the perception and development of international law and reliance upon original materials (archives, legal opinions, internal memoranda, and so on). Finally, it was at Harvard that my ideas on comparative international law gestated when helping to develop the course on “Soviet, Chinese, and Western Approaches to International Law” and acting as Editor-in-Chief of the *Harvard International Law Journal*.

As for further reading, I have no special books to recommend. The key advice is to read — to read a lot, whatever improves your mind and gives you pleasure.

|| Law is a discipline in which you constantly learn, until the end of your life.

This is one of its greatest merits — you never learn enough, and there is always reason to learn more — above all by reading. ☉

— На меня оказала сильное влияние Гарвардская школа права в нескольких аспектах: в частности, это взгляды проф. Гарольда Дж. Бермана (1918–2007), особенно его использование аналитических призм для подхода к советскому праву (история, роль планирования народного хозяйства и воспитательная роль права). Я разработал свои собственные, но считаю, что его призмы — незаменимый инструмент для любого компаративиста. Еще одним влиянием Гарварда стал «документальный» подход к международному праву, разработанный Мэнли О. Хадсоном и другими авторами; возможно, это ответвление метода кейсов. В нем подчеркивается важность практики государств в восприятии и развитии международного права и необходимость опираться на первоисточники (архивы, юридические заключения, внутренние меморандумы и т.д.). Наконец, именно в Гарварде зародились мои идеи по сравнительно-му международному праву, когда я помогал разрабатывать курс «Советский, китайский и западный подходы к международному праву» и был главным редактором *Harvard International Law Journal*.

Что касается чтения, то я не могу порекомендовать какие-то особенные книги. Главный совет: читать, и читать много — все, что улучшает ваш ум и доставляет вам удовольствие.

|| Правоведение — это дисциплина, требующая учиться постоянно, до конца жизни.

И это — одно из его величайших достоинств: вы никогда не узнаете достаточно, и всегда есть причина узнать больше, прежде всего читая. ☉